

И.Г. Минервин

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА**

В статье рассматриваются некоторые философские, социологические и экономические подходы к изучению содержания неравенства, его исторической динамики и способам его преодоления в современном обществе. Обзор ряда работ отечественных и зарубежных специалистов позволяет показать разнообразие концепций неравенства, подходов к изучению факторов эволюции, с одной стороны, и устойчивости, с другой стороны, феномена социально-экономического неравенства, а также прогнозов относительно его будущего. Рассматриваются изменения института собственности, а также перспективы развития глобальной экономической модели, связанные с формированием и эволюцией неравенства.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство; направления исследования неравенства; факторы и динамика неравенства; исторические перспективы неравенства.

Философия неравенства

В исследованиях проблематики социально-экономического неравенства сходятся три самостоятельных, но взаимосвязанных направления: этико-философское, социологическое и экономическое.

Этика привлекает внимание экономистов, а экономика – философов. Причина – экономика (хозяйство) представляет собой ту область человеческой деятельности, в которой возникает фактическое неравенство, и этот естественный итог воспринимается общественным сознанием как несправедливость. Моральные философы, создавая концепции равенства и справедливости, естественно, обращаются к экономике. Экономисты, видя несовершенство соци-

ально-экономических систем, обращаются к этике в поиске оснований для их критики. И здесь хочется привести эмоциональное высказывание Т. Пикетти о том, что «вопрос о распределении богатств слишком важен, чтобы оставлять его на усмотрение одних лишь экономистов, социологов, историков и прочих философов. Он интересен всем... Вопросу о распределении богатств всегда будет присуща это неизбежно субъективное и психологическое измерение, которое носит политический, конфликтный характер и которое никакой анализ, претендующий на научность, не сможет устраниТЬ» [Пикетти Т., 2016, с. 21].

Современная наука уделяет этим проблемам значительное место. Здесь выделяются, с одной стороны, теоретические работы философско-социологического направления таких авторов, как Ролз, Дворкин, Нозик, с другой – аналитические доклады экономико-политической направленности, подготавливаемые коллективами аналитиков для международных организаций и форумов (Группы Всемирного банка, Всемирного экономического форума и т.п.).

Ведущие современные моральные философы отвергают всякий телеологический принцип равенства, утверждающий примат цели по отношению к средству. Хотя сутью утилитаризма является поиск критерия индивидуальной максимизации полезности, выдвигаемого в качестве основного, как справедливо отмечает О.Б. Игнаткин, «критика эгалитарного аргумента применима практически к любой концепции равенства» [Игнаткин О.Б., 2008, с. 55]. Эта критика имеет различные аспекты, мы же отметим лишь один, действительно релевантный для любой концепции равенства (будь то дистрибутивное равенство, равенство успеха, благосостояния или удовольствия).

Знакомство с концепциями Р. Дворкина, Дж. Ролза и других либеральных философов лишний раз убеждает в крайней опасности всяких уравнительных (как либеральных, так и социалистических) теорий, предполагающих равенство ресурсов или механизмы компенсации. Такая опасность связана с отсутствием какого-либо объективного и всеми признаваемого стандарта, самого критерия, связанного с любыми оценками и предпочтениями при невозможности их межличностного сравнения и агрегирования, с одной стороны, и молчаливым присутствием некоего верховного уравнителя, распределителя, руководствующегося собственными представлениями о равенстве и справедливости – с другой. Можно рационально говорить лишь о равенстве прав, равенстве возможностей, равенстве перед законом и соответствующем содержании

закона, т.е. фактически правильная постановка вопроса заключается в отсутствии дискриминации, которое обеспечивается законодательной и правоприменительной системами общества. Равенство положения, т.е. фактическое экономическое равенство не только невозможно, но было бы общественной катастрофой.

Реальным может быть только такое равенство, которое не лишает человека его истинного выбора. Это означает, что приоритетным этическим принципом является все-таки свобода. «В идее блага для самого себя, – пишет Игнаткин, – таится опасность для свободы, а для Ролза и Дворкина, подчеркивает американский исследователь Ч. Фрайд, “не существует высшего блага, чем свобода самореализации, и эту ценность невозможно отдать ради понятия равенства на абстрактном уровне”» [Игнаткин О.Б., 2008, с. 56].

Это направление исследований нашло отражение и развитие в работах Дж. Ролза, А. Сена. По мнению философов, фундаментальные права и материальные преимущества, доступные для всех, нужно расширить настолько, насколько это возможно, поскольку это отвечает интересам тех, у кого меньше всего прав и кто имеет самые скромные возможности. «Принцип различия», введенный американским философом Джоном Ролзом в книге «Теория справедливости», ставит близкую к этому цель [Ролз Дж., 1995]. На схожей логике основан и подход индийского экономиста Амартии Сена, использующего понятие максимальных и равных для всех «возможностей» [Сен А., 1996]. Представляется рациональным отнести к категории наиболее обездоленных тех людей, которые столкнулись с самыми неблагоприятными факторами, не поддающимися контролю.

Разумеется, определенная роль отводится государству. В той мере, в которой неравенство обусловлено, по крайней мере отчасти, факторами, которые индивиды не контролируют, такими как неравенство в капиталах, передаваемых семьями (наследство, дарение, культурный капитал и т. д.), или стечание обстоятельств (особые таланты, удача и т. д.), справедливо, чтобы государство также стремилось уменьшать, насколько это возможно, подобное неравенство. Граница между уравниванием возможностей и условий часто довольно размыта (образование, здравоохранение, доход являются и возможностями, и условиями). Понятие фундаментальных благ в трактовке Ролза позволяет преодолеть это противопоставление.

Бессмысленно искать основания равенства и справедливости в какой бы то ни было экономической системе, тем более в рынке. В концепциях нравственной философии, обращающихся к дистри-

бутивному равенству, рынок воспринимается как «враг» равенству, поскольку формы экономических рыночных систем позволяли и поощряли проявления неравенства. Тем не менее Р. Дворкин и другие вновь и вновь обращаются к рынку, по их мнению, сама модель рынка должна присутствовать, поскольку благодаря его механизму соблюдаются принцип равенства по отношению к людям [Игнаткин О.Б., 2008, с. 60]. Согласно Дворкину, необходим такй рыночный инструмент, который учитывал бы стремления отдельных людей. В поисках такого инструмента он обращается, например, к аукциону (конкурентным тorgам), где будут выставляться все доступные в данном регионе ресурсы, при этом каждый человек должен обладать равной способностью к приобретению ресурсов [Dworkin R., 2000, p. 68].

Для функционирования такой системы необходим целый ряд условий. Одно из них относится к возможности для людей оказаться в невыгодных условиях из-за различий «природных способностей». Аукцион будет выполнять свою функцию только в том случае, если природные способности никого не поставят в невыгодное положение. В реальном мире аукцион не выполнит эту функцию, поскольку некоторые различия между людьми вызваны не их выбором, а обстоятельствами, тогда как основная цель, согласно этой концепции, состоит в том, чтобы создать инструмент, который был бы «чувствителен к стремлениям» отдельных людей, но «нечувствительным к одаренности» [Игнаткин О.Б., 2008, с. 61]. Во-вторых, система должна быть свободной от любых помех в виде рыночной власти того или иного агента (монополии или монопсонии), т.е. обеспечивать абсолютную свободу конкуренции всех участников, что, очевидно, невозможно в силу их естественных различий, тех самых, которые эта система призвана преодолевать. И любые гипотетические механизмы компенсации здесь оказываются бессильными.

Отсюда следует, что основанием для равенства и справедливости могут быть только этические, нравственные принципы сопереживания, сочувствия, естественного (природного) взаимоуважения и взаимопомощи. Таким образом, такие основания могут находиться не в экономической, а в духовной сфере человека. Конечно, такая постановка затрагивает в какой-то мере традиционные ценности, которые при всей их благопристойности могут подчас обернуться противоположной стороной. Такова, например, идея протестантизма о нравственной жизни христианина, видящая ценность в самоотречении, любви к ближнему, повседневном кро-

потливом труде. «Трудовая деятельность сакрализуется и рассматривается как форма служения Богу... профессиональный успех подтверждает богоизбранность христианина, поэтому становится самоцелью, а не средством достижения материальных благ» [Этика, 2006, с. 498–499]. В результате накопление здесь выступает не только как невиданный прежде идеал, но и как нравственная ценность, но при этом оно в конечном счете превращается в генератор социально-экономического неравенства.

Можно, однако, отметить, что при таком подходе отсутствует вопрос об исторической обусловленности неравенства, оно рассматривается лишь в рамках исторически определенной формы социально-экономических отношений, основанных на рыночном (капиталистическом) хозяйстве и частной собственности, с добавлением в нее условий, которые в теории должны обеспечить равенство. Знакомство с социологическими теориями неравенства наводит на мысль о преобладании в них позитивистского подхода, тогда как проблематику неравенства вряд ли можно рассматривать вне отсылки к аксиологическому характеру гуманитарной науки. Этого, по всей видимости, нельзя сказать в целом об экономических исследованиях, как правило, имеющих выход на проблематику экономической политики.

В трудах западных либеральных философов возникает поразительное противоречие между стремлением применить к своим теориям этические ценности (равенства, справедливости) и полным отсутствием проекции этических норм на реальную действительность. Это противоречие ведет к абстрактному, отвлеченному теоретизированию, полностью оторванному от реальной действительности, тогда как рассматриваемые ими этические ценности и нормы играют громадную роль в определении поведения людей, в том числе как экономических агентов.

Социология неравенства

Понятие социального неравенства, изучаемого социологией, объединяет множество факторов и условий, виды социальной дифференциации, социальных ролей и т.д. С точки зрения социологии предметом изучения выступает «неравенство между группами людей, выраженное в социальной иерархии» [Шкарата О.И., 2012, с. 53]. Социальная же структура определяется как совокупность социальных групп и социальных институтов и отношений между ними. В каждом конкретном обществе – рабовладение, фео-

дализм, капитализм, индустрIALIZМ, постиндустриальная (информационная) экономика – социальные структуры характеризуются особенностями, складывающимися в процессе их формирования и развития.

Социология изучает неравенство в терминах социальной стратификации. Факторы стратификации выступают как факторы неравенства. В индустриальных и постиндустриальных обществах неравенство проявляется прежде всего и главным образом в сфере экономической деятельности. Социальная стратификация здесь раскрывается в отношениях групп людей по поводу распределения власти, собственности и знания. Экономистов интересует, скорее, деление общества, связанное с социально-экономическими различиями в процессе производства, в структуре рынка труда и владения собственностью.

В социологии принимается как аксиома «исторически обусловленное неравенство людей в прошлом, настоящем и будущем» [Шкаратан О.И., 2012, с. 8], признаются и исследуются изменения его масштабов, характера, возможностей и реальных показателей сглаживания или, напротив, углубления при различных формах организации общества.

Социологические исследования выявили наличие двух групп проблем – одна связана с равенством возможностей, которое определяется эволюцией политических и правовых институтов на пространстве социально-исторического развития в целом, другая – с фактическим, распределительным равенством, которое развертывается и эволюционирует на пространстве определенных социальных и экономических отношений.

Такое различие отражается и в структуре права. Право, которое может быть названо естественным, а по сути является декларативным, выражается простой формулой: все люди равны по рождению. Но это естественное право должно быть закреплено в соответствующих правовых институтах человеческого общества (а не только в декларациях). Реальное право непосредственно связано с человеческой деятельностью, и эта деятельность по преимуществу реализуется в сфере экономики.

Таким образом, наука признает два типа равенства: назовем их для простоты равенством возможностей и равенством положения (по другой терминологии – ресурсное равенство и равенство благосостояния). Первый – воплощается при наличии соответствующих правовых институтов (равенство перед законом). Второй – предполагает фактическое равенство, но допускает различные

варианты, означающие, по существу, в том числе и нарушение фактического равенства. Возьмем, например, принцип равенства по труду. Известный лозунг «каждому по труду» будет означать соблюдение такого равенства (фактического по положению), трудность, однако, возникнет при решении задачи соблюдения такого равенства из-за невозможности адекватной оценки труда иначе как по его рыночной стоимости (и рыночной стоимости его продукта), а значит, с учетом дополнительных факторов, не относящихся непосредственно к самому труду (конкуренция, организация, эффективность). Другой известный лозунг «каждому по потребностям» означал бы (в случае его невероятной осуществимости) именно фактическое нарушение такого равенства.

Равенство возможностей – это прежде всего правовое равенство и равенство доступа к ресурсам. В развитых странах здесь достигнуты положительные сдвиги (страхование, образовательные кредиты, социальная поддержка и пр.), но в значительно более скромных масштабах, чем ожидалось теоретиками государства благосостояния. История европейских стран свидетельствует о том, что равенства прав перед рынком еще недостаточно, чтобы обеспечить равенство прав в целом. Республикаанская «эгалитарная» Франция в плане концентрации богатства ничем не отличалась от монархической Великобритании. И сегодня обеспечивать все большие гарантии для прав собственности, все большую свободу для рынка и все более совершенную конкуренцию недостаточно для того, чтобы добиться в обществе справедливости, процветания и гармонии. К сожалению, это более сложная задача, подчеркивает Пикетти [Пикетти Т., 2016, с. 48]. Однако дело в том, что такая задача для одних стран более актуальна, чем для других.

С теоретической точки зрения равенство возможностей описывается в терминах социальной мобильности, которая в свою очередь зависит от типа социальной стратификации, степени открытости общества и правового (законодательного) положения его членов. П. Сорокин, например, указал на существование двух основных типов социальной мобильности – горизонтальной и вертикальной [Сорокин П., 1992, с. 393]. Последняя в свою очередь делится на восходящую и нисходящую (социальный подъем и социальный спуск). При этом мобильность возможна как добровольное перемещение или циркуляция индивидов в рамках социальной иерархии и мобильность, диктуемая структурными изменениями (например, индустриализацией и демографическими факторами).

Заметим, однако, что корень проблемы не в типах и характеристиках мобильности, а в возможности социального лифта, в частности, в наличии или отсутствии непреодолимых барьеров в виде сословий, привилегированных статусных слоев общества, прямых запретов, например, на занятие определенных должностей, получение образования и т.д. Напомним, что борьба за такую мобильность находилась в эпицентре едва ли не всех социальных и тем более революционных движений. Наиболее наглядно это проявляется в исторической траектории европейской (или атлантической) цивилизации (Хартия вольности, Декларация прав человека и гражданина и т.д.), и именно это обстоятельство объясняет сегодняшние передовые позиции Европы в области прав человека по сравнению с другими регионами мира.

Социальная мобильность, таким образом, имеет двоякое значение. С одной стороны, она отражает степень социально-экономической развитости общества, его правовой зрелости, с другой – социальная мобильность справедливо рассматривается как позитивный фактор общественного развития, поскольку способствует привлечению одаренных и динамичных людей из низов к ответственной деятельности. «Это, как правило, стабилизирует конкретно-историческое общество, делает его более адаптивным к меняющимся ситуациям в технологиях производства, экономических и социальных отношениях. В то же время социальные перемещения сами по себе не меняют характера социальной стратификации. Соответственно и исследования мобильности скорее отвечают на вопрос об эффективности использования творческого потенциала членов общества, чем на вопрос о характере социальных изменений, происходящих в нем под влиянием технологических, экономических и политических факторов... В то же время возрастание шансов на индивидуальное продвижение из низших слоев в высшие в процессе мобильности оправданно рассматривается социологами как свидетельство большей открытости общества, его демократичности, равенства возможностей для его членов. Для индивида возможность продвижения вверх не только означает увеличение доли получаемых им социальных благ, она способствует реализации его личных данных, делает его более пластичным и многосторонним. Продвижение вверх тесно связано с экономическим развитием, интеллектуальным и научным прогрессом, формированием новых ценностей и социальных движений» [Шкарата О.И., 2012, с. 207, 209].

Среди социологов существует, однако, мнение, согласно которому, несмотря на явные успехи в приближении к равенству возможностей, действующие элиты находят способы и новые стратегии, обеспечивающие преемственность социального статуса от поколения к поколению. Сегодня в качестве ключевого момента в этих стратегиях фигурирует образовательная система. Было показано, что в современном мире образование играет особую роль как институциональный фактор социальной мобильности [Шкарата О.И., 2012, с. 234]. Однако и образование, и здравоохранение могут служить факторами создания неравенства в руках действующей элиты.

Несмотря на ставшее в результате демократических реформ общедоступным полное среднее и высшее образование и возросший уровень образования в целом, с помощью различных, прежде всего экономических, педагогических, организационных факторов привилегированные и хорошо образованные дети получают преимущества по сравнению с менее привилегированными и менее обученными. И в этом проявляется роль культурного капитала как составляющей социальных привилегий. Образование, открывающее путь к занятию выгодных позиций в экономике, в современных условиях оказывается более значимым, чем владение собственностью. Поэтому, как доказывают современные исследователи, выравнивание материальных условий жизни еще не означает существенного сближения шансов на социальное продвижение представителей разных социальных слоев.

Еще одна точка зрения относительно развития социально-экономических отношений состоит в ослаблении позиций среднего класса и некоторых его слоев, связанном с изменениями на рынке труда. Здесь можно говорить о тенденциях, затрагивающих не столько позиции среднего класса в целом, сколько изменения в его структуре, о сдвигах в профессионально-квалификационном составе, вызванных развитием информационной экономики и соответствующих технологий, изменениями в организационных структурах производства и управления и т.п. явлениями. В современном мире происходит возрастание социального статуса и доли в национальном богатстве развитых стран слоя высокоэффективных работников, связанных с производством информации и знания, куда входят менеджеры, специалисты-профессионалы, конструкторы, технологии, которые обладают специфическими функциями в современном обществе и экономике. Таким образом, ослабление позиций одних групп сопровождается усилением других в полном соответ-

ствии с потребностями технологического прогресса постиндустриальной экономики знания [Autor D.H., 2015; Mokyr J. et al., 2015]. Общим выводом проведенных исследований является признание того факта, что под влиянием сил, присущих поздней индустриализации и становлению информационной экономики, происходят фундаментальные изменения в стратификационных системах, в результате чего возрастают социальная дифференциация и разнообразие рабочих позиций, а в итоге меняется и характер социальной мобильности [Шкарата О.И., 2012, с. 215].

О.И. Шкарата обобщает итоги современных исследований в области социальной мобильности и равенства возможностей следующим образом [Шкарата О.И., 2012, с. 239–240].

Во-первых, наряду с социально-экономическими важную роль играют культурные барьеры, ограничивающие возможности индивидуальных переходов к более высоким статусным позициям из низших слоев. Тип культурной среды, в которой пребывает младшее поколение этих слоев, зачастую создает серьезные препятствия для их восходящей мобильности. При этом чем слабее культурные преграды в связи с выравненностью уровней образования, тем больше выходцев из социальных низов попадает в средние и высшие слои.

Во-вторых, на первый план в системе вертикальной восходящей мобильности и формирования элит выдвигается принцип социальной селекции, получивший определение меритократизма. Этот принцип порожден приходом на смену индустриальному обществу с его классовой системой информационного (сетевого) общества, в котором классовая иерархия переплетается с усиливающейся иерархией по владению человеческим и культурным капиталами. В этом обществе и формируется меритократический принцип социальной селекции, при котором одаренные и хорошо образованные люди реально получают преимущества в социальном продвижении.

Экономика неравенства

Проблема экономического неравенства сегодня стоит весьма остро по причине ее осложнения как внутри отдельных стран, так и на глобальном уровне. Она занимает видное место в теоретических исследованиях специалистов и практических рекомендациях международных организаций и форумов. По сути дела, на вершине пирамиды проблем, волнующих науку, когда речь идет

об экономике, находятся две задачи: эффективность, т.е. максимизация выхода системы любого уровня при минимизации входа, и обеспечение равенства во всем его многообразии (или, что то же самое, устранение истоков неравенства)¹ применительно к элементам системы, смыкающееся со смежными областями права, социологии и этики.

Экономический анализ неравенства имеет четко выраженную специфику и область исследования. В его фокусе, как подчеркивает Т. Пикетти, рассмотрение двух аспектов распределения богатства. Это, во-первых, распределение, зависящее от противопоставления двух факторов производства – труда и капитала, так называемое «факторное» распределение, зависимое от его основы – социальной дифференциации. Во-вторых, это «индивидуальные» различия в распределении богатства, т.е. неравенство в трудовых доходах, определяемое социальным положением индивида (например, между рабочим, инженером и директором фабрики), с одной стороны, и неравенство в доходах с капитала (например, между мелкими, средними и крупными акционерами или собственниками) – с другой. Каждая из этих двух составляющих играет важнейшую роль; невозможно прийти к удовлетворительному пониманию проблемы распределения, не анализируя и ту и другую его составляющие вместе [Пикетти Т., 2016, с. 55].

Для экономистов важно, как технологический прогресс и новые экономические модели меняют соотношение спроса и предложения на те или иные ресурсы и, соответственно, игру цен, которая может привести и фактически приводит к изменениям в распределении доходов, к перенакоплению богатства одних социальных страт и обнищанию других.

Сравнительные исследования как и сам опыт стран говорят о том, что экономическое неравенство не является изолированной проблемой, она есть составной элемент общей проблемы экономического роста как основы социально-экономического развития, тесно вплетена в весь комплекс экономических проблем современного этапа промышленной революции. Главное отличие современной постановки вопроса состоит в том, что неравенство рассматривается не только как социально-экономический порок общественного устройства, но и как отрицательный фактор, тор-

¹ Конечно, это два не совсем равнозначных понятия. В рассмотрении проблемы равенства преобладают абстрактно-теоретические, философско-социологические аспекты, а неравенства – экономические.

мозящий рост производительности и эффективности производства, наносящий вред конкурентоспособности, тормозящий экономический рост.

«Положение людей остается фундаментально неравным во всех странах, включая и самые развитые постиндустриальные государства, – пишет О.И. Шкаратан. – Несмотря на активную социальную политику, до сих пор повсюду встречаются свидетельства бедности и массового экономического и социального неравенства. Во всех странах привилегированные группы людей пользуются непропорционально большой властью, богатством, престижем и другими высоко ценимыми благами. Наиболее удручающие факты неравенства в мире наблюдаются в отсталых странах. Однако и в высокоразвитых странах, справедливо гордящихся успехами в построении welfare state, проходят сложные и во многом неожиданные процессы» [Шкаратан О.И., 2012, с. 114].

Исследователи отмечают здесь следующие тенденции:

- 1) противоречивость динамики распределения национального богатства;
- 2) углубление межстранового неравенства вопреки окончанию эпохи колониализма;
- 3) изменение позиций социальных слоев на фоне глобализации рынка труда.

О.И. Шкаратан, пользуясь данными целого ряда исследователей, характеризует общую тенденцию XX в. следующим образом. С начала 1930-х и до середины 1970-х годов доля национального богатства, принадлежавшая 1% наиболее состоятельных семей, снизилась: в США с 30 до 18%; в Великобритании – с 60 до 29%; во Франции – с 58 до 24%. Однако со второй половины 1970-х годов доходы этого элитарного процента населения росли с исключительной быстротой, достигнув еще в середине 1990-х годов показателей 1930-х. Так, в США 1% населения в 2007 г. вновь стал владеть 42% национального богатства, поднявшись до уровня 1900-х годов. У высших 0,1% доходы подскочили в пять, а у 0,01% – в семь раз по сравнению с 1973 г. Если в начале XIX в. средние доходы в расчете на душу населения в развитом мире превосходили в 1,5–3,0 раза показатели группы стран с низким уровнем доходов, то в середине XX в. – в 7–9 раз, а в начале XXI в. разрыв составляет 50–75 раз [Шкаратан О.И., 2012, с. 115].

Фундаментальное исследование распределения богатства и экономики неравенства, предпринятое Т. Пикетти, показало, что, согласно историческим данным, значительный рост покупатель-

ной способности заработной платы начался лишь во второй половине, а то и в последней трети девятнадцатого столетия. Согласно расчетам Пикетти, с 1800 по 1860 г. зарплаты рабочих в Великобритании и Франции не росли, оставаясь на очень низком уровне – практически на том же, что в XVIII и предшествующих веках, а в некоторых случаях даже ниже. Эта долгая стагнация заработной платы тем более впечатляет, что экономика в эту эпоху росла ускоренными темпами. В этот же период доля капитала – промышленных доходов, земельной ренты, доходов от сдачи в аренду городской недвижимости – в национальном доходе сильно выросла. До Первой мировой войны никакого структурного уменьшения неравенства так и не произошло, имела место в лучшем случае стабилизация неравенства на чрезвычайно высоком уровне, а в отдельных случаях – возрастание неравенства, сопровождавшееся все более высокой концентрацией имущества. Трудно сказать, отмечает Пикетти, к чему бы привела эта траектория, если бы не последовавшие за катастрофой 1914–1918 гг. экономические и политические потрясения, которые сегодня, в свете исторического анализа, представляются единственными с начала промышленной революции силами, способствовавшими уменьшению неравенства [Пикетти Т., 2016, с. 26].

В середине XX в. масштабное исследование провел американский экономист С. Кузнец, который, оперируя исключительно статистикой США, показал, что в период между 1913 и 1948 гг. неравенство в доходах сильно сократилось. В 1910–1920-е годы верхняя дециль в распределении, т.е. самые богатые 10% американцев, ежегодно получала до 45–50% национального дохода. В конце 1940-х годов доля этой же верхней децили упала до 30–35% национального дохода. Снижение, составившее более 10% национального дохода, было существенным: оно соответствовало, например, половине того, что получали 50% самых бедных американцев. Сокращение неравенства было явным и неоспоримым. Несмотря на то что это в определенной мере было связано со «случайными» факторами, вызванными кризисом 1930-х годов и Второй мировой войной, и мало походило на естественный процесс, сокращение неравенства послужило основанием для теории «кривой Кузнецца», согласно которой в ходе индустриализации и экономического развития неравенство повсеместно движется по «кривой нормального распределения», т.е. сначала возрастает, а затем сокращается. По мнению Кузнецца, за стадией естественного роста неравенства, отличавшей первые этапы индустриализации,

которые в США приились главным образом на XIX в., следует стадия сильного уменьшения неравенства, начавшаяся в США в первой половине XX в.

Таким образом, согласно Кузнцу, неравенство увеличивается на начальных этапах индустриализации (когда доступ к новому богатству, созданному промышленной революцией, имело меньшинство населения) и затем начинает произвольно сокращаться на поздних стадиях развития (когда все больший процент населения оказывается задействован в наиболее передовых отраслях экономики, что приводит к спонтанному уменьшению неравенства). В промышленно развитых странах эти «поздние стадии» начались на рубеже XIX и XX вв., поэтому сокращение неравенства, произошедшее в США в 1913–1948 гг., лишь подтверждало явление, которое носило более общий характер и с которым рано или поздно должны были столкнуться все страны, в том числе и слаборазвитые, зажатые в то время в тисках бедности и переживавшие процесс деколонизации [Пикетти Т., 2016, с. 31, 32].

Другой американский экономист, Р. Солоу сформулировал условия равномерного роста, т.е. такой его траектории, при которой все параметры – производство, доходы, прибыль, зарплаты, капитал, биржевые индексы, цены на недвижимость и т.д. – растут в одном темпе, благодаря чему все социальные группы извлекают равную выгоду из роста и значительные расхождения отсутствуют [Пикетти Т., 2016, с. 29]. Однако, как показывает практика, такие идеальные условия вряд ли достижимы.

Критикуя эти положения, Пикетти отмечает, что быстрый рост, присущий всем развитым странам в послевоенную эпоху, представляет собой ключевой факт, равно как и то, что все социальные группы извлекли из него выгоду. Тем не менее сильное сокращение неравенства доходов, имевшее место во всех богатых странах в первую половину XX в., было прежде всего следствием двух мировых войн и жестоких экономических и политических потрясений, к которым они привели (особенно для обладателей крупных состояний) [Пикетти Т., 2016, с. 33].

Благодаря развитию национальной статистики многих стран Пикетти удалось привлечь к исследованию огромное количество фактических данных, в том числе по неравенству в доходах и по имущественному неравенству¹. Факты, приводимые Пикетти, более

¹ Пикетти напоминает, что подобно тому как налоговые декларации о доходах позволяют исследовать эволюцию неравенства в доходах, налоговые

чем убедительны, как и его выводы. В глобальном масштабе установленный рост соотношения между капиталом и доходом, усиливаемый неравенством в доходности капитала, означает, что с 1980-х годов имущество в среднем растет немного быстрее, чем доходы. На основе собранных им данных он приходит к выводу, что, начиная с 1970-х годов, неравенство в богатых странах заметно выросло, особенно в США, где в 2000–2010-е годы концентрация доходов вернулась к рекордным показателям 1910–1920-х годов и даже немного превысила их. Дело в том, что к началу XX в. 90% национального богатства принадлежало 10% людей, но начиная с 1970–1980-х годов произошел головокружительный рост доходов 1% самых богатых американцев [Пикетти Т., 2016, с. 16]. Если на протяжении XIX–XX вв. соотношение частного капитала и национального дохода оставалось приблизительно равным (независимо от структуры – сначала доминировала земля, затем промышленные активы и, наконец, сейчас финансы), то начиная с 1970-х годов XX в. первый преобладает. В результате неравенство в распределении имущества в мировом масштабе в начале 2010-х годов сравнимо с уровнем, наблюдавшимся в европейских обществах в 1900–1910-е годы. Доля верхней тысячной части в настоящее время составляет около 20% общего имущества, доля верхней центили – около 50%, а доля верхней децили колеблется от 80 до 90%; беднейшая половина мирового населения владеет менее чем 5% общего имущества. Это не означает, что тенденции увеличения богатства богатых наряду с обеднением среднего класса в будущем продолжится в прежних масштабах, но тем не менее она может выйти на взрывоопасную траекторию [Пикетти Т., 216, с. 434, 436].

Такое положение приводит к фундаментальному, с точки зрения Пикетти, противоречию, существующему в современном обществе, основанном на рыночной экономике. С одной стороны, преобладает общая уверенность в том, что каждый человек имеет

декларации о наследстве дают возможность проследить эволюцию имущественного неравенства. Кроме того, доход всегда складывается из двух составляющих: во-первых, из доходов, полученных от ведения трудовой деятельности (зарплаты, оклады, премии, бонусы, доходы от работы, осуществляющейся не по найму, и т.д. и другие доходы, являющиеся вознаграждением за труд, в такую бы юридическую форму они ни облекались); во-вторых, из доходов с капитала (арендная плата, дивиденды, проценты, прибыль, прирост капитала, роялти и т.д. и другие доходы, полученные от простого обладания капиталом в виде земли, недвижимости, финансовых, промышленных производств, в такую бы юридическую форму они ни облекались).

равные права и что его материальное благополучие должно зависеть от индивидуальных способностей и желания много работать; с другой стороны, наблюдается растущее имущественное неравенство между очень богатыми и остальным обществом, приводящее к тому, что индивидуальный успех является все в большей мере результатом семейных связей и унаследованного состояния.

Сокращению неравенства в мировом масштабе способствовал быстрый рост бедных и развивающихся стран, особенно Китая. Однако этот процесс порождает серьезное беспокойство в развивающихся странах и еще большее – в странах богатых. Впечатляющий дисбаланс, который в последние десятилетия наблюдается на финансовых рынках и на рынках нефти и недвижимости, может вызвать сомнения в неизбежности «пути равномерного роста», описанного Солоу и Кузнецом. Нет никаких оснований верить в то, подчеркивает Пикетти, что рост носит самоуравновешивающийся характер. На протяжении слишком долгого времени экономисты пренебрегали вопросом о распределении богатства, пора вновь сделать проблему неравенства центральной в экономическом анализе и вернуться к тем вопросам, которые были поставлены еще в XIX в. [Пикетти Т., 2016, с. 33, 34].

Из всех факторов, способствующих достижению большего равенства, Пикетти выделяет процесс распространения знаний и инвестиции в повышение квалификации и в образование. Процесс распространения знаний и навыков представляет собой ключевой механизм, обеспечивающий как общий рост производительности, так и уменьшение неравенства в каждой конкретной стране и в международном масштабе. Об этом свидетельствует пример многих бедных и развивающихся стран, начиная с Китая, которые успешно догоняют страны богатые. Другие процессы, в частности возрастание роли труда и доходов, приходящихся на труд, накопление человеческого капитала под влиянием технологического развития также имеют место, но в гораздо менее значимых масштабах. Но при этом главная сила конвергенции – распространение знаний – лишь отчасти является естественной и произвольной и в значительной степени зависит от политики в области образования, от обеспечения доступа к необходимым навыкам и от институтов, функционирующих в этой сфере. Основным же дестабилизирующим фактором, представляющим главную угрозу для динамики распределения богатств в долгой перспективе, является процесс накопления и концентрации имущества на фоне слабого

экономического роста и высоких доходов с капитала [Пикетти Т., 2016, с. 40, 41].

Ключевая сила, работающая на неравенство, по Пикетти, заключена в высоких значениях отношения между основным капиталом и национальным доходом на фоне сравнительно медленного экономического роста, что имеет место в последние десятилетия. При низких темпах роста имущество, накопленное в прошлом, естественным образом приобретает непропорциональное значение, поскольку достаточно небольшого притока новых сбережений для того, чтобы постоянно и существенно увеличивать размер основного капитала. Если к тому же уровень доходности капитала заметно и в течение долгого времени превышает показатели роста, – а это тем вероятнее, чем ниже рост, то возникает большой риск расхождения в распределении богатств¹.

Имеющаяся критика в адрес такого однозначного вывода сводится, в частности, к тому, что далеко не весь капитал используется для производства, а ограничение предложения капитала гарантирует высокую норму прибыли [Харвей Д.]. Но если подобные соображения и могут вполне обоснованно скорректировать расчетные показатели, они не могут в принципе повлиять на основные выводы, касающиеся динамики неравенства и способов борьбы с ним.

Экономический рост есть источник решения социально-экономических проблем, в том числе проблем неравенства. Но Пикетти добавляет к этому очевидному утверждению (т.е. к параметру темпа роста производства и дохода) важный параметр – уровень доходности капитала. Рост экономики во все времена был ниже доходности капитала, утверждает Пикетти. Капитал в XXI в., основанный на полученном наследстве, только увеличивает этот разрыв. Сделанные им расчеты показывают, что по крайней мере до XIX в. уровень доходности капитала почти постоянно превышал показатели роста, и это вполне может снова стать нормой в XXI столетии. Более того, эта ключевая сила расхождения в распределении богатства может увеличиться за счет дополнительных механизмов, например, если наряду с уровнем богатства быстро растет норма сбережений. Это означает, что рекапитализация имущества, нако-

¹ Уровень доходности капитала отражает то, сколько приносит в среднем капитал в течение года в виде прибыли, дивидендов, процентов, арендной платы и других видов дохода в процентном выражении к своей стоимости, а уровень роста – ежегодное увеличение дохода и производства.

пленного в прошлом, осуществляется быстрее, чем растут производство и доходы и, таким образом, концентрация капитала будет достигать очень высокого уровня, который, вполне вероятно, не будет соответствовать меритократическим ценностям и принципам социальной справедливости, лежащим в основе современных демократических обществ. Такое расхождение непостоянно и представляет собой лишь один из возможных сценариев будущего, но означенная тенденция, судя по вероятному снижению демографического и экономического роста, сохранится в ближайшие десятилетия [Пикетти Т., 2016, с. 44, 45].

Если эти прогнозы верны, то процесс приведет к тому, что богатые страны окажутся в собственности их же миллиардеров или все страны будут все больше принадлежать миллиардерам и мультимиллионерам планеты. Анализ, проведенный Пикетти, показывает, что эта тенденция уже обозначилась. В условиях прогнозируемого снижения темпов мирового роста и все более мощной конкуренции за привлечение капиталов все указывает на то, что неравенство в наступившем столетии будет сильным [там же, с. 464].

И все же некоторые основания для оптимизма остаются. И связаны они с двумя обстоятельствами. Во-первых, с тем, что период кризиса, охватившего глобальную экономику и, прежде всего, сказавшегося на динамике производительности, связан не столько с временными, циклическими факторами, но, главным образом, с долгосрочным циклом смены технологического способа производства (уклада). Кроме того, тенденция возрастания доходности капитала и увеличения неравенства упирается в недостаточность спроса, означающую невозможность реализации дохода с помощью механизма рынка, а кризис потребительского спроса, как известно, порождает экономический кризис, что вызывает необходимость стимулирования спроса. Именно резкое увеличение последнего, как указывают экономисты, привело к оживлению экономического роста и в итоге к некоторому снижению уровня неравенства после Второй мировой войны. Это – объективный экономический фактор, другой – политический.

Если верен вывод, сделанный Пикетти на основании обработки огромного массива фактических данных, что в исторической перспективе показатель доходности капитала превышает показатель темпов экономического роста, то это означает, что средство борьбы с экономическим неравенством заключено в политике государства, составляющими которой являются налоговые и финан-

совые механизмы перераспределения: налоги, социальное обеспечение, бюджет, бесплатные услуги (медицина, образование), цены. Распределение богатств – говорит Пикетти – всегда имеет большую политическую составляющую и не может сводиться к одним лишь экономическим механизмам.

Этот вывод о количественных взаимосвязях между динамикой накопления и различными видами доходов ведет к постановке задачи нахождения эффективных способов социальной организации и направлений государственной политики, которые позволили бы обществу продвигаться к равенству и справедливости. И вполне логично при исследованиях таких вопросов, как распределение богатства и формирование социальных структур, Пикетти призывает объединить методы и подходы, применяемые экономистами, историками, социологами и политологами [Пикетти Т., 2016, с. 50].

Естественно, что весьма существенную роль в сглаживании неравенства играет социальная политика государства. Ряд государств провозгласили своей целью создание так называемой социальной рыночной экономики и даже достигли определенных успехов, несмотря на противоречия в ходе реализации этой политики (Германия, Скандинавские страны).

В США на протяжении первого срока президентства Рузельята максимальный налог на доходы был повышен с 24 до 63%, в течение второго – до 79%, в середине 1950-х годов был момент, когда он достигал 91%. Налог на прибыль корпораций вырос за тот же период с 14 до 45%, а на крупные наследства – с 20 до 77%. В результате доля национального богатства, которая контролировалась богатейшей 0,1%-ной долей американцев, упала за эти годы вдвое – с 21,5 до менее 10%. Следствием стало сокращение разрыва в доходах, которое произошло в США с 1920-х по 1950-е годы, резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации зарплаты самих наемных работников. Когда же в результате политики администраций Рейгана и Бушей были резко снижены налоги, уровень неравенства в США начала XXI в. стал соизмерим с концом XIX в. Если принять прирост национального богатства в США в 2000–2007 гг. за 100%, более 73% его пришлось на долю 1% населения. Лауреат Нобелевской премии П. Кругман делает на основании этих фактов вывод о том, что масштабный рост благосостояния в 1950-е и 1960-е годы и переход от общества, пораженного крайним неравенством, к относительно равномерному распределению доходов был прежде всего результатом осознанного политического выбора, а не след-

ствием «естественного» экономического развития [Шкаратан О.И., 2012, с. 219, 220].

Указав на «центральное противоречие капитала», выражающееся в том, что норма прибыли на капитал всегда превышает темп роста дохода, Пикетти фактически указывает на невозможность решения проблемы при отсутствии серьезного вмешательства со стороны государства, направленного на перераспределение богатств, которое должно выражаться в установлении прогрессивной шкалы налогообложения и имущественного налога на глобальном уровне. Такая политика провозглашается как возможное (хотя почти нереальное в политическом отношении) противоядие от дальнейшей концентрации богатств и власти.

Главный вывод Пикетти состоит в том, что лишь прогрессивный налог на капитал, взимаемый в мировом масштабе (или по крайней мере в масштабе достаточно крупных региональных экономических зон, таких как Европа или Северная Америка), сможет эффективно противодействовать росту неравенства. Этот вывод может быть основанием для введения прогрессивного налога на самые крупные состояния в мире, который представляет собой единственный способ установить демократический контроль над этим потенциально взрывоопасным процессом и при этом сохранить предпринимательский динамизм и открытость экономики в международном масштабе [Пикетти Т., 2016, с. 443].

Таким образом, исторический анализ, проделанный Пикетти, указывает на, очевидно, единственный или, по крайней мере, наиболее реальный способ сокращения экономического неравенства – регулирование капитала с помощью тех или иных институтов и политических мер, прежде всего прогрессивного налогообложения. Ничто, однако, не мешает поставить вопрос о роли самой собственности и перспективах ее эволюции. В том, что такая эволюция имеет место, нет сомнений, важно то, какой будет ее дальнейшая судьба.

Фактор собственности: Настоящее и будущее

Перспектива неравенства связана как с функционированием капитала и его взаимодействием с трудом в качестве факторов производства, так и с перспективой эволюции собственности. Во всяком случае прогноз будущего распределительного неравенства будет зависеть от будущего собственности, ее дальнейшей трансформации.

Собственность – важнейший социальный институт и экономическое отношение, а поэтому и важнейший фактор социальной стратификации и социального неравенства. «Отношения собственности раскрывают, кто принимает решение: где, что и как производить; как распределять произведенное; кого и как награждать, стимулировать за труд, творчество и организационно-управленческую деятельность. Другими словами, собственность реально раскрывается как процесс распоряжения, владения и присвоения. Это означает, что собственность есть властные отношения, форма экономической власти, т.е. власть владельца предмета над теми, кто им не владеет, но в то же время в нем нуждается» [Шкарата О.И., 2012, с. 95].

Однако отношения собственности имеют свою историческую динамику. Отношения собственности как доминирующий фактор социальной стратификации выходят на первый план в определенный исторический период, когда совершается «переход от стратификации иерархического типа, в которой позиции индивида и социальных групп определялись их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения, к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации» [Радаев В.В., Шкарата О.И., 1996, с. 312].

Нетрудно видеть, что совмещение этих типов свойственно некоторым видам социальной организации, отличным от форм, свойственных промышленным этапам развития передовых стран. И отголоски этих смещений просматриваются, в частности, в исторической траектории России вплоть до настоящего времени.

Многообразие факторов социальной стратификации хорошо иллюстрируется примером России, ее прошлым и настоящим. Так коллективом авторов ГУ-ВШЭ под руководством О.И. Шкарата на основе представительного социологического обследования и опросов, охвативших весь постсоветский период, показано, что в России сложилась специфическая дуалистическая социальная стратификация, сочетающая сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархии. Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая – продукт отношений, складывающихся на рынке труда. Таким образом, получила подтверждение идея о формировании в стране неоэтактического общества, не являющегося подлинно буржуазным [Социально-экономическое неравенство.., 2009].

Этот специфический тип социально-экономических отношений, характеризуемый как «власть – собственность» (или «власте-

собственность»), уходящий корнями в подобие восточного деспотизма, или «государство ордынского типа», послужил моделью для советского (и постсоветского) этакратизма (главенства государства по отношению к обществу). В такой системе, отмечает О.И. Шкаратан, верховным собственником, прежде всего земли, и высшей абсолютной властью над подданными является государство, которое становится деспотией, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства [Шкаратан О.И., 2012, с. 103].

«Характерной чертой индустриальной эпохи является распространение эгалитарных идеологий и постепенное исчезновение экстремальных форм неравенства, присущих кастовой, рабовладельческой, сословной и феодальной системам. Лишь по мере созревания пред-капиталистической и наконец собственно капиталистической социетальной системы начинает складываться стратификационная иерархия, в которой различия между группами имеют экономическую основу, а доминирующим критерием социального неравенства выступают отношения собственности. Они же находят свое проявление в специфических позициях групп людей на постепенно складывающемся рынке труда. В чистом виде классовое общество разделяется на собственников средств производства (работодателей), наемных работников и самозанятых. Классовая система предполагает, что социальные группы состоят из свободных и равных в политическом и правовом отношениях граждан» [Шкаратан О.И., 2012, с. 110].

С теоретической точки зрения собственность весьма неоднородное и неоднозначное явление. Юридически собственность – это право, дающее возможность владеть, распоряжаться и пользоваться имуществом. Экономически – это присвоение, т.е. захват. С экономической точки зрения категория собственности не связана с правом, не имеет правовой основы. Наоборот, факт собственности вытекает из присвоения результатов использования имущества. Признаком собственности является доход в любой форме (процент, рента, прибыль, оброк и т.д., даже взятка как рента за присвоение коррумпированного права на должность). Пользуешься плодами – значит владеешь. Собственность и возникла из этого присвоения, иначе надо было бы признать, что ее кто-то даровал извне, но такого дарителя просто не существует. Иными словами, не только частная собственность, но собственность вообще создается совершенно искусственно. Собственность – это право сильного, и больше ничего (Прудон говорил – кражи).

В то же время существование института собственности (т.е. это право и отношение) имеет объективную основу. Она возникла под влиянием двух факторов – обособления хозяйственных единиц (семья) и ограниченности ресурсов. Важно, что отношение собственности представляет собой фундаментальное общественное отношение, укорененное в системе человеческого менталитета, существенный и стойкий элемент культуры, передаваемый из поколения в поколение, хотя и носящий исторический характер, если рассматривать его на протяжении всего существования человека разумного¹.

При этом следует сказать, что собственность есть феномен далеко не только юридический, экономический и социально-экономический, а не в меньшей степени психологический и социально-психологический. Стоит понаблюдать за поведением ребенка, процессом его социализации, формированием его самосознания, чтобы видеть, что важнейшим элементом, основанием человеческого «Я» является «мое». И это «мое» лучше не трогать из опасения катастрофических ошибок и катаклизмов, которые в настоящее время уже достаточно хорошо описаны. Очевидно, что первым естественным правом собственности было право пользования (мое то, чем я в данный момент пользуюсь). Все остальные права появились в результате хозяйственного обособления, которое требовало осуществления новых операций и, соответственно, новых

¹ Полемика о собственности представляет богатейший материал и спектр мнений. Приведем лишь одно высказывание, принадлежащее П.А. Столыпину, доказывавшему в письме Л.Н. Толстому пагубные последствия отсутствия крестьянской собственности на землю в России. «Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т.п. и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею. Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств. Смешно говорить этим людям о свободе, или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т.е. при наличии права собственности на землю» [Письма П.А. Столыпина]. История подтвердила правоту Столыпина. Следствием отрицания этих положений является обратный эффект: дикий разгул инстинктов собственничества и приобретательства на фоне правового беспредела, наблюдавшийся в сегодняшней России.

прав, их обеспечивающих. И первым актом такого обособления было возникновение семьи.

В основе появления института собственности, а значит и всех институтов собственнического общества, лежит выделение семьи в качестве первичной общественной ячейки. Чтобы ликвидировать собственность, а также деньги и т.д., необходимо в качестве первичного условия ликвидировать семью как социальный механизм обеспечения рождения и воспитания детей. По всей видимости, большевики это прекрасно понимали. В распространении коммуналок, строительстве домов-коммун и т.п. в первые годы советской власти проявлялся не только дефицит благоустроенного жилья, но и сознательная социальная политика эрозии семьи, ее подмены «коммуной» как первичной ячейки самоорганизации общества. Уже в период брежневского «развитого социализма» был принят закон о трудовых коллективах, где эти коллективы объявлялись первичной ячейкой социалистического общества. Все это, однако, противоречит природе современного человека. Когда окончательно рухнет семья, только тогда исчезнут предпосылки и стремление к собственности, т.е. объективные и субъективные ее причины, и сформируются условия для утверждения общественной собственности, точнее, общества без собственности, подобного с этой точки зрения первобытному. Эти условия могут быть названы *обобществлением воспроизводства* (точнее обобществлением социальной организации воспроизводства человека как биологического вида) в добавление к хорошо известному из марксистской теории обобществлению производства.

Современный Запад, допуская разрушение семьи, видимо не подозревает, что тем самым готовит гибель своей экономической системы, основанной на частной собственности. Чтобы коммунизм перестал быть утопией, должно произойти обобществление не только производства, но и воспроизводства самой человеческой популяции. Это, между прочим, довольно оптимистический для коммунизма вывод. Он тем самым перестает быть абсолютной утопией и остается только утопией относительной.

Историческая динамика собственности связана с переносом основного значения с политических на экономические факторы, с обладания властью на обладание собственностью. Сначала власть дает собственность, затем собственность – власть. «Знатность происхождения и власть над зависимыми людьми вооруженных сеньоров уступает место маркировке людей по богатству и собственности. В современных информационных обществах наблю-

датели отмечают сосуществование и переплетение нескольких... систем неравенства (или иерархии): власти, собственности, престижа, многие добавляют как особую систему неравенства обозначение». Конечно, власть в той роли, в какой она служит основанием социальной стратификации, т.е. понимаемая как господство, означает прежде всего возможность распоряжения ресурсами общества, причем далеко не только экономическими (материальными, информационными, политическими, статусными, ресурсами принуждения). В качестве дополнительных факторов стратификационной иерархии фигурируют человеческий, культурный и социальный капитал. В этой системе переплетаются классовая иерархия с иерархией по владению человеческим и культурным капиталом [Шкарата О.И., 2012, с. 54, 113]. Особый случай отношений власти и собственности, их фактического слияния и возникновения своего рода синтеза «властесобственности», представлен исторической траекторией советской России, продолженный и получивший свое завершение в постсоветский период в виде овладения номенклатурой «полновесно-правового владения и распоряжения» [Пивоваров Ю.С., 2014, с. 52].

Существование различных видов неравенства, различных его проявлений означает, что оно принципиально не исчезает даже с ликвидацией формальной частной собственности, чему мы были свидетелями в недавней истории. С другой стороны, при сохранении частной собственности возможно смягчение, сглаживание неравенства, чему также есть наглядные примеры.

Не будет преувеличением сказать, что эволюция современного капитализма во многом связана с эволюцией собственности. Можно отметить следующие ее проявления на протяжении XX–XXI вв.:

- появление и развитие новых форм собственности;
- появление и усиление роли новых объектов собственности;
- снижение роли собственности вообще как одной из опор рыночной экономики.

Новые формы собственности – коллективная, институциональная, публичная, развившиеся на протяжении XX в., снижают роль частной собственности, ее место в системе экономических отношений. Развитие коллективных (акционерных) форм собственности связано с отделением собственности от управления. Идея, поданная Т. Вебленом, была развита А. Берли и Г. Минзом в их известной книге «Современная корпорация и частная собственность» [Berle A.A., Means G.S., 1933], а затем исследована

многими зарубежными и отечественными экономистами [Меньшиков С.М., 1965].

Берли и Минз на основе обширного статистического материала пришли к выводу о новой стадии капитализма, которая, принципиально отличаясь от капитализма прошлого, основана на господстве крупных акционерных компаний, в которых раздробленная и размытая собственность инвесторов отделена от контроля. Вместе с тем при такой ее форме (акционерной) значительных масштабов достигает диффузия собственности, но одновременно она же способствует невиданной концентрации экономической власти. Концентрация собственности и образование гигантских объединений финансового капитала являются мощными факторами углубления неравенства.

Российская экономика в этом плане показательна. Массовая приватизация привела к чрезвычайной концентрации собственности, причем в России это явление, обычное для процесса массовой приватизации, приняло особо крупные размеры. В результате возникла мощнейшая финансовая олигархия. «Собственность, — напоминает И. Самсон, — это институт, который не меняется ни одним декретом, ни одномоментно. Если в экономике попытаться слишком поспешно повсюду насаждать частную собственность через массовую приватизацию, то она быстро сконцентрируется там, где есть экономическая власть» [Самсон И., 1998, с. 126].

В то же время в развитых странах на протяжении XX в. экономическая власть переходит в руки менеджеров, которые осуществляют контроль над экономикой в своих интересах. Иллюстрацией могут служить размеры вознаграждения менеджеров высшего звена, которые, по данным Пикетти, повышали свои доходы на 8% в год, тогда как все остальные лишь на 0,5%. Неравенство в оплате между среднестатистическим рабочим и гендиректором в 1970 г. было на уровне 1:30, а сейчас в среднем более чем 1:300, а в некоторых случаях доходит до 1:1200 [Харвей Д.]. Если индивидуальная частная собственность (предпринимательская собственность малого бизнеса) занимает ведущее место в экономике как форма собственности огромного числа предприятий малого и среднего масштаба, то акционерная, т.е. коллективная частная собственность достигла доминирующих позиций по размерам контролируемых активов. Вместе с тем эти процессы определили возвышение среднего слоя менеджеров и специалистов-профессионалов. Интенсивно развиваясь на протяжении XX в., они внесли изменения в триаду владения-распоряжения-пользования.

Другой существенный процесс, определяющий эволюцию форм собственности – развитие частных и общественных институтов, владеющих и контролирующих огромные активы во всех секторах экономики (инвестиционные компании, инвестиционные и пенсионные фонды, страховые компании). Например, пенсионные фонды в США и других развитых странах владеют значительной частью частного имущества, в том числе производственных активов.

Относительно новое явление – суверенные фонды, образующиеся за счет отчислений в государственные резервы нефтедобывающих и некоторых других стран. Их общий объем инвестиций оценивается более чем в 5 трлн долл. Если в сегодняшнем мире миллиардеры владеют примерно 1,5% от общего объема частного имущества в мире, то суверенным фондам принадлежит еще 1,5% мирового частного имущества [Пикетти Т., 2016, с. 469].

Кроме того, не теряет своего значения и даже развивается такая форма, как кооперативная собственность, которая достигает значительных масштабов, в том числе в развитых странах в целом ряде отраслей (прежде всего, в аграрно-промышленном комплексе). Объединение в производственные и сбытовые кооперативы служило традиционным решением для фермерских и крестьянских хозяйств, и не только в развивающихся странах, где оно нередко играет ключевую роль, но и для многих развитых. Эта форма также не стоит на месте. В рамках Всемирного банка была разработана новая «Модель фермерской собственности» (Farmer ownership model) с целью возрождения производственных и сбытовых кооперативов в более современной и ориентированной на частный сектор форме, предполагающей взаимосвязь рынков продукции и средств производства, которая применяется в ряде стран Африки и Латинской Америки [Стиглиц Дж., Эллерман Д., 2000]. К сожалению, в постсоциалистических странах, а также, безусловно, и во многих развивающихся странах, «кооперативы» были в большей степени государственными, а не подлинно фермерскими организациями.

Собственность и в прошлом, и в настоящем понимаемая как владение капиталом, являющимся основным элементом общественного богатства, была и остается важнейшим фактором социально-экономического неравенства. Тем не менее Новейшее время является свидетелем появления и роста значения новых факторов, связанных с выдвижением новых форм капитала – человеческого, интеллектуального, социального. На смену формальному неравенству в доступе к полному среднему и высшему образованию пришло более тонкое и гибкое фактическое неравенство в качестве

образования и в объеме реального интеллектуального капитала [Шкаратан О.И., 2012, с. 117]. Эти новые, по сути, ресурсы, которые также в широком смысле являются объектами собственности, но нового типа, определяют, по всей видимости, и новые типы отношений неравенства. Так, интеллектуальный капитал есть обладание заключенными в самих людях способностями и компетенциями в области информационных и других передовых технологий, знаниями и возможностями их продуктивного применения в своей деятельности.

Поставив прямой вопрос: совместимо ли равенство с частной собственностью, ответим на него так: смотря какое. Равенство может быть различным по форме и по существу. Оно распадается надвое: равенство возможностей и равенство состояния. Первое возможно, если понимать его как равенство перед законом. Второе – безусловно нет и вряд ли достижимо когда-либо вообще, по крайней мере в обозримом будущем, что, конечно, не закрывает путь для его теоретического исследования.

Эта простая истина была хорошо известна еще демократам и социалистам XIX в., не говоря уже о марксистах. Вот что говорил по этому поводу, например, М.А. Бакунин на Втором конгрессе мира в Берне в 1868 г.: «Пока будет существовать частная унаследованная собственность, нельзя претворить в жизнь равенство возможностей, экономическое и социальное равенство». Согласно Бакунину, экономическое и социальное равенство – это «ликвидация разных существующих в настоящее время классов... равенство не только с политической точки зрения, т.е. не только равенство перед законом, но также и с точки зрения экономической и социальной организации, в сфере культуры, воспитания, образования, средств к существованию и работы, которые должны быть одинаковы для всех, чтобы все были обязаны в равной степени заниматься и умственным и физическим трудом и чтобы общество, избавленное от врожденной привилегии, экономически и социально реализуемой в наследственном праве, впредь не могло быть разделено, как наше, на работников и господ» [Речи Бакунина.., 1978].

Звучит утопично и вполне напоминает несостоявшиеся лозунги, ибо и в советском квазисоциализме не было никакого социального и экономического равенства. Очевидно, что повсеместно (в том числе в самых развитых не только в экономическом, но и в социальном аспекте странах) сегодняшнее общество жертвует равенством ради определенности экономической организации и мотивации к труду, т.е., в конечном счете, ради эффективности.

Сказанное позволяет сделать вывод, что достижение реального распределительного равенства сопряжено с условием, невыполнимым, по крайней мере, в обозримой перспективе. Более конструктивной является постановка вопроса не об утопической ликвидации неравенства, а о сближении, или противодействии расходжению полюсов имущественного положения (содержащаяся, например, в книге Пикетти). В то же время отношения собственности как одна из фундаментальных опор капиталистической экономики в сегодняшних условиях по сравнению с эпохой первоначального капитализма уступают главенствующую роль таким ее опорам, как конкуренция, инновации и другие факторы. Об этом писали, например, Стиглиц, Портэр и другие авторы. Дж. Стиглиц, рассматривая частную собственность и конкуренцию как «сиамских близнецов», делает категоричный вывод: опыт Китая и России демонстрирует, что конкуренция более важна для успешного экономического развития, чем форма собственности [Стиглиц Дж., 1998, с. 24]. Многие другие экономисты подчеркивали, что именно конкуренция, а не частная собственность, является «секретом рыночной экономики» [Интрилигейтор М., 1996, с. 134].

Таким образом, роль частной собственности видоизменяется, эволюционирует, ее пространство постепенно, в перспективе сужается, что служит объективной основой для сглаживания распределительного неравенства.

В поисках экономической модели

Обзор исследований по проблеме неравенства позволяет выделить несколько гипотетических подходов к решению проблемы.

1. Усиление воздействия на капитал как объект регулирования, расширение регуляционной и распределительной функций государства с помощью налоговых и других мер, регулирование режимов доходности, накопления и наследования капиталов.

2. Ускорение экономического роста на основе применения новых моделей роста с подтягиванием к лучшим историческим показателям с помощью максимального использования факторов технологического прогресса и других возможных рычагов стимулирования роста.

3. Изменение стратегической модели бизнеса и его позиции в обществе на основе доказательства и признания эффективности социальной ответственности и встраивания ее принципов в стратегию предприятий.

4. Изменение модели самой экономики в направлении отхода от принципа погони за экономическим ростом и накоплением капитала во что бы то ни стало, т.е. принципиальный отход от модели максимизации возрастания основных параметров экономики. Однако, учитывая, что в европейско-атлантическом социокультурном ареале накопительство представляет моральную ценность, чтобы получить такой результат, необходимо изменить систему ценностей, психологию человека, а это самая сложная задача.

При всех достижениях человечества в области социально-экономического развития феномен неравенства остается весьма устойчивым. Вместе с тем динамика различных типов неравенства различна. Гигантский взрыв, скачок от равенства к неравенству произошел с возникновением отношений собственности. В дальнейшем при всех противоречиях и зигзагах этого процесса определенный общий вектор поступательного развития все же существует, и заключается он в сокращении всех видов неравенства.

Экономическая справедливость, как и экономическое равенство располагают множеством толкований и ни одним доказательством, а это означает фактическую их неосуществимость. Это не относится к правовому равенству (равенству в правах и перед законом, или равенству возможностей) и правовой справедливости (т.е. законности). Если правовое неравенство может быть устранено или, по крайней мере, смягчено в процессе социального развития, то сложнее еще с одним понятием, используемым в экономических исследованиях – ресурсным равенством, т.е. равенством в фактическом доступе к ресурсам. Что касается фактического имущественного, или распределительного неравенства, то с ним, по всей видимости, ничего нельзя сделать в принципе, ибо всякая попытка его достижения будет означать нарушение других видов равенства.

В лозунге революции «свобода, равенство, братство» подразумевалось именно равенство в правах. Перегибы революции, выраженные в тотальной экспроприации, означали лишь разрушение производительных сил. Коренной, может быть важнейшей ошибкой большевизма была попытка подмены равенства возможностей распределительным равенством.

В первом случае – относительно равенства возможностей – исторический вектор вполне ясен: от момента появления государства, когда люди, причастные к государственной власти, – все, остальные – ничто, к постепенному сокращению непреодолимых классовых и сословных различий, к появлению социальных лифтов,

возможности которых заложены уже в самом строе, его законах и морали. Это, собственно, выражается в понятии социального прогресса. Мировым лидером в этом процессе была, конечно, Европа. Большой скачок в этом направлении был сделан благодаря буржуазным революциям. Возникший в результате строй капитализма впервые в истории предоставил формальное равенство прав гражданам передовых стран.

С равенством второго рода дело обстоит значительно сложнее. Оно не только не достигнуто, но и вряд ли достижимо, и движение здесь подвержено значительным зигзагам, отступлениям и провалам. Вместе с тем очевидно, что распределительное равенство означает фактическое неравенство в силу природного неравенства индивидов, т.е. неравенства их объективных и субъективных способностей и потребностей. Эта диалектика означает принципиальную неразрешимость проблемы с помощью каких-либо распределительных механизмов. Идея «все отнять и поделить» не проходит ни по каким параметрам – ни по критерию осуществимости, ни по критерию справедливости. Политика борьбы с неравенством предполагает иные подходы.

Различные исследователи говорят о разнонаправленности тенденций в различные периоды новой истории. И здесь просматривается некоторое расхождение в подходах и выводах между социологами и экономистами. Социологи видят не столько динамику фактических разрывов, сколько исчезновение старых и появление новых факторов социальной дифференциации. К. Маркс в XIX в. доказывал, что динамика накопления частного капитала приводит ко все большей концентрации богатства и власти в руках немногих. Американский экономист С. Кузнец в XX в. полагал, что факторы роста, конкуренции и технического прогресса обеспечивают сокращение неравенства и гармоничную стабилизацию на высших стадиях развития. Экономисты (Пикетти, например, фактически вслед Марксу) склонны видеть прежде всего углубление фактического, распределительного неравенства на протяжении XIX–XX вв. Пикетти отмечает, что экономический рост и распространение знаний позволили избежать марксистского апокалипсиса, но не изменили глубинной структуры капитала и неравенства. Если уровень доходности капитала устойчиво превышает показатели роста производства и доходов, как это было в XIX в. и как, вполне вероятно, будет в веке XXI, капитализм автоматически создает нетерпимое, произвольное неравенство и ставит тем самым

под удар меритократические ценности, которые лежат в основе демократических обществ [Пикетти Т., 2016, с. 20].

Конечно, при этом важно не только состояние разрыва, но и положение низшей точки отсчета неравенства. Об этом живо напоминают описания положения европейского рабочего класса времен Маркса и Энгельса, когда нищета промышленного пролетариата была характерным явлением, или российских полукрепостных работников, скажем, на металлургических заводах или шахтах. И то и другое прекрасно описано в соответствующей литературе. Между тем, по-видимому, фактическая база еще недостаточна, исследован материал только ведущих стран.

Очевидно, что решение вопроса во многом будет зависеть от географического охвата и временного горизонта исследования. Общая тенденция, или вектор мирового развития, на протяжении истории покажет сначала невиданный скачок неравенства с появлением собственности и государства, а затем медленное, постепенное и непрямолинейное движение к его сглаживанию. В противном случае можно было бы сделать вывод об отсутствии социально-экономического прогресса вообще.

Сегодня мы видим, что технологический прогресс, устойчиво и невиданными темпами развивавшийся в виде последовательных технологических революций, и как следствие этого высокие темпы экономического роста и роста производительности труда оказались способны в какой-то мере уравновесить процессы накопления богатства и продемонстрировать несостоятельность прогнозов абсолютного и относительного обнищания.

Замедление этих процессов, вступление мировой экономики в новую фазу, заставляющую экономистов заняться поисками новой модели экономического роста, грозит новым обострением. Говоря словами Т. Пикетти, «накопление останавливается в определенной точке, но эта точка может находиться слишком высоко, что ведет к дестабилизации. Как мы увидим, наблюдаемый с 1970–1980-х годов сильный рост общей стоимости частного имущества, измеренной в годовом национальном доходе, во всех богатых странах – особенно в Европе и Японии – полностью подтверждает эту мысль» [Пикетти Т., 2016, с. 29].

Сегодня многие авторы стали на позиции замены модели государства благосостояния (welfare state) новой моделью, отражающей резкое ухудшение экономического и социального статусов основных групп населения. Дело в том, что период относительно высоких темпов роста («тучные годы») сменился эпохой низких

темпов, а моментами и застоя. Это не могло не привести к зафиксированной исследователями отрицательной социальной динамике, что находится в полном соответствии с диалектикой взаимодействия экономического и социального развития.

Сегодня проблема обостряется устойчиво низкими темпами глобального экономического роста, вызванными, по всей видимости, фазой перехода к новому большому экономическому циклу на фоне новой, цифровой промышленной революции. Конкретно это выражается в замедлении роста производительности труда и в тенденции падения инвестиционной активности. Показатель глобального роста снизился с 4,4% в 2010 до 2,5% в 2015 г. [World Economic Forum, 2016, р. 4]. В результате к внутренней социальной поляризации добавляется также устойчивое глобальное неравенство между странами и регионами, обостряемое во многих странах с низким уровнем доходов слабой конкурентоспособностью, макроэкономической нестабильностью, зависимостью от товарного экспорта и трудностями диверсификации экономики.

В то же время, как говорится, например, в докладе Всемирного экономического форума, растущее неравенство в доходах ограничивает перспективы роста. Во многих странах, в том числе с формирующимся рынком, этот фактор наряду с другими способствует протекционистским тенденциям, препятствует открытости экономики и проведению реформ, направленных на подъем производительности и конкурентоспособности, что в свою очередь способно вызвать рост социальной поляризации и напряженности. Благоприятные перспективы экономического роста и социально-экономического развития связываются с технологическим прогрессом, цифровой революцией. Надежды связываются с передовыми технологиями – искусственным интеллектом, робототехникой, биотехнологией, интернетом вещей, аддитивными технологиями и др. – открывающими новые перспективы для роста и развития [World Economic Forum, 2016, р. 4–5].

Однако эти процессы могут иметь и обратные эффекты, усиливающие социальное расслоение, в том числе в сферах, которые непосредственно затрагивают благосостояние людей и теоретически рассматриваются как факторы, противодействующие неравенству (информатика, здравоохранение, образование). Так, исследование, недавно проведенное Лондонской школой экономики, обнаружило, что применение Интернета способствует усилению социального неравенства между богатыми и бедными. Это выражается в том, что люди с высоким уровнем образования и доходов

извлекают более значительную выгоду, пользуясь Интернетом, состоящую в возрастании объемов доступной информации, расширении возможностей совершения сделок в режиме онлайн и т.д. Пользователи с низким уровнем доходов, напротив, лишены таких преимуществ независимо от доступа к Интернету и степени владения требуемыми навыками [Internet use increases social inequalities...]. Это еще раз подтверждает мысль о том, что научные, технологические и организационные достижения человечества могут иметь две стороны, и их использование в качестве общественного блага требует соответствующих условий и механизмов.

Сокращение неравенства всегда связывалось с экономическим ростом, который служил и продолжает служить источником повышения благосостояния. Вместе с тем есть и очень важная оборотная сторона этой взаимосвязи, состоящая в том, что неконтролируемый рост неравенства как раз препятствует ускорению экономического подъема [Колодко Г., 2009, с. 275]. Как и всякое человеческое достижение, новая промышленная революция с ее фундаментальными последствиями имеет и обратную сторону, несет потенциальные угрозы для экономического равенства.

Результаты технологического развития, как и многие, если не все, достижения человеческой научно-технической и организационной мысли, имеют две стороны. Наиболее вопиющий пример сегодня – достижения медицинской науки, способные продлить человеческую жизнь, но, будучи дорогостоящими, как и все новые технологии, могут стать доступными лишь узкому кругу богатых или пользующихся покровительством государства людей, привилегированным слоям общества, а, значит, могут лишь углубить неравенство между людьми.

Это означает, что надежды на научно-технический прогресс, способный сам по себе решить социальные проблемы, лишены основания. Такой прогресс должен непременно сопровождаться социально-экономическим развитием, становлением и укреплением общественных институтов, превращающих его достижения в безусловное благо.

Сегодня в решении проблем неравенства можно условно выделить два направления – количественного и качественного роста. Качественный рост означает коренные изменения в экономической системе, согласующиеся с новым технологическим укладом, новым этапом промышленной революции, с выработкой новой модели экономики.

Однако новая модель роста может состояться только как следствие коренных преобразований не только в экономической сфере. В особой мере это относится к России. Здесь чтобы перейти к этой новой модели необходимо продолжить и расширить реформы в области политической системы и в институциональной структуре с решительным поворотом к демократии, которые хорошо известны и много раз описаны. Но, пожалуй, прежде всего необходимо решительно отказаться от модели государственно-монополистического капитализма, многократно доказавшей свою неэффективность, а в российских условиях еще и круто замешанной на коррупционной составляющей.

Кризисные явления сегодня свойственны в той или иной мере не только российской экономике, но и многим другим развитым и развивающимся экономикам. Можно говорить фактически о глобальном кризисе модели роста, господствовавшей на протяжении предшествовавшего длинного цикла и свойственного ему способа производства (технологического уклада).

Следует предположить, что исчерпала свой потенциал и испытывает кризис не только модель роста, но и современная модель экономики в целом, как ее ни называй. Это уже давно не экономика капитализма времен Маркса, на основе анализа которой был придуман коммунизм. Это уже и не экономика империализма времен Ленина с ее сращиванием монополий с государством, более характерным для экономики современной России. Капитализм в его наиболее развитой форме перерос эту стадию и превратился в социальную рыночную экономику (хорошо просматривающуюся в скандинавских странах и Германии). Теперь исчерпана не только экономика капитализма, но и современная рыночная экономика. Исчерпана и идея коммунизма, на долгие годы дискредитированная практикой ленинско-сталинского большевизма. Сегодняшняя модель, господствующая в мире, это экономика роста за счет расширения спроса и потребления, или короче, экономика потребления.

Иновационная активность превратилась в механизм конкуренции, когда миссия инновации сводится к конкуренции за счет того же стимулирования спроса и роста потребления, но не к росту благосостояния за счет роста общественной производительности труда, а рента и прибыль – в главный (фактически единственный) мотив хозяйственной деятельности.

Сохранение этой модели грозит не только исчерпанием многих видов природных ресурсов и нанесением огромного ущерба экологической среде, но и моральной деградацией человечества,

поскольку в погоне за потреблением материальный прогресс на-много обогнал прогресс духовный и этот дисбаланс продолжает катастрофически расширяться. Принципиально в этом нет ничего удивительного, поскольку динамика социальных (социокультурных) процессов, обладающих значительно большей исторической инерционностью, всегда отстает от материальных (развития производительных сил, технологических укладов). Однако невиданное ранее ускорение последних в XX и XXI вв. возвело проблему на грань катастрофы.

Именно в этом дисбалансе видится причина всех сегодняшних кризисных явлений и катаклизмов, охвативших буквально весь мир и поразивших как отдельные страны, так и глобальную экономику и политику. В условиях моральной деградации даже дополнительное свободное время, возникающее в результате инновации и роста производительности, начинает представлять дополнительную общественную угрозу. Отсюда и радикализация и поляризация политических течений (отход от центризма, правые уходят вправо, левые – влево, политические либералы превращаются в импотентов, экономические сходят со сцены, консерваторы тяготеют к авторитаризму).

Человечеству предстоит научиться обеспечивать экономический рост за счет других источников, либо жить и решать социальные проблемы без фактора роста, на основе каких-то других источников и ресурсов, например, за счет перераспределения богатства («революционный» способ – «все отнять и поделить» – оказался несостоятельным), или за счет его эффективного использования. Вопрос в том, насколько нужно это постоянное расширение производства и потребления, где заложена необходимость непрерывного роста и есть ли ему предел? Вот задача – рассмотреть это теоретически. Как отмечает Дж. Стиглиц, экономическая наука еще только начинает понимать взаимосвязи между демократизацией, неравенством, охраной окружающей среды и экономическим ростом. Но вывод его оптимистичен: знания позволяют надеяться на выработку дополнительных стратегий развития, направленных на достижение названных целей [Стиглиц Дж., 1998, с. 31].

Магистральное направление будущего поиска, как представляется, это отказ от всяких проявлений экстенсивного развития и перенос внимания полностью на интенсификацию социально-экономических процессов, т.е. на их эффективность. Главное – отказаться от безумной погони за инновациями как таковыми, от механизма, толкающего к непрерывному поиску новых организа-

ционных форм, технологий, производств, бизнес-моделей и моделей потребления и т.п. Предстоит найти способы замены этого механизма другим – механизмом, позволяющим более эффективно решать проблемы социального развития и благосостояния без бе-зумной погони за ростом производства и потребления, открытием и эксплуатацией новых дополнительных природных ресурсов и т.д. Где скрывается этот механизм – это предмет поиска для последующих поколений ученых и политиков.

Развитие производительных сил, организационного и технологического потенциала, новые формы технологических укладов и моделей бизнеса создают основу для экономического роста, который, в свою очередь, открывает возможности для сглаживания неравенства и создает предпосылки для постепенного продвижения к более высокой ступени равенства, реализация которых зависит, кроме того, от целого ряда дополнительных социальных, институциональных, политических условий. Но достижения технологических революций создают условия и предпосылки для движения к равенству, но не ведут к нему автоматически. Лишь сознательные и целенаправленные действия людей способны ликвидировать или по крайне мере смягчить вопиющие проявления неравенства и несправедливости в человеческом обществе.

Если говорить о сугубо практической стороне борьбы с неравенством, то она лежит в политической области. Следует, очевидно, помнить, что все достижения так называемого социального прогресса на протяжении человеческой истории добывались в противостоянии между группами социальной стратификации (классами как их частным случаем) и борьбе людей за свои права и условия жизни. Конечно, эта борьба вовсе не обязательно сопряжена с насилием, она может реализоваться в различных формах – от революционных до вполне эволюционных и демократических, что зависит от социально-экономической зрелости и исторических традиций соответствующего общества.

Список литературы

1. Бетелл Т. Собственность и процветание. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 475 с.
2. Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, 2004. – 392 с.
3. Игнаткин О.Б. Равенство в свободе: Принципы полит. философии Р. Дворкина / Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 2008. – 203 с.

4. Интрилигейтор М. Шокирующий провал «шоковой терапии» // Реформы глазами американских и российских ученых. – М.: Фонд «За экон. грамотность», 1996. – С. 128–136.
5. Колодко Г. Мир в движении. – М.: Магистр, 2009. – 575 с.
6. Меньшиков С.М. Миллионеры и менеджеры: Современная структура финансовой олигархии США. – М.: Мысль, 1965. – 455 с.
7. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2014. – 336 с.
8. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1001538457-kapital-v-xxi-veke-tomas-piketti>
9. Письма П.А. Столыпина Л.Н. Толстому. 23 октября 1907 г. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/1636>
10. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
11. Речи Бакунина и Мрочковского на Втором конгрессе мира в Берне // Колокол: Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Женева, 1868–1869. Переводы, комментарии, указатели. – М.: Наука, 1978. – С. 105–107.
12. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 532 с.
13. Самсон И. Придет ли Россия к рыночной экономике? // Вопр. экономики. – М., 1998. – № 8. – С. 124–135.
14. Сен А. Об этике и экономике. – М.: Наука, 1996. – 160 с.
15. Стиглиц Дж., Эллерман Д. Мосты через пропасть: Макро- и микростратегии для России // Пробл. теории и практики упр. – М., 2000. – № 5. – С. 18–24.
16. Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: Движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопр. экономики. – М., 1998. – № 8. – С. 4–34.
17. Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
18. Социально-экономическое неравенство и его воспроизведение в современной России. – М.: Олма медиа групп, 2009. – 560 с.
19. Харвей Д. О книге Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке». – Режим доступа: http://www.finansy.ru/st/post_1431932643.html
20. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 526 с.
21. Этика: Хрестоматия. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2006. – 522 с.
22. Autor D.H. Why are there still so many jobs? The history and future of workplace automation // J. of econ. perspectives. – Princeton, 2015. – Vol. 29, N 3. – P. 3–30. – Mode of access: <https://www.aeaweb.org/issues/381>
23. Berle A.A., Means G.S. The modern corporation and private property. – N.Y.: Macmillan, 1933. – 289 p.

24. Dworkin R. Sovereign virtue: The theory and practice of equality. – Cambridge: Harvard univ. press, 2000. – 492 p.
25. Internet use increases social inequalities, LSE study shows. – 2016. – Mode of access: <http://www.lse.ac.uk/website-archive/newsAndMedia/news/archives/2016/02/Internet--social-inequalities.aspx>
26. Mokyr J., Vickers C., Ziebarth N.L. The history of technological anxiety and the future of economic growth: Is this time different? // J. of econ. perspectives. – Princeton, 2015. – Vol. 29, N 3. – P. 31–50. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1257/jep.29.3.31>
27. World economic forum. The global competitiveness report 2016–2017: Competitiveness agendas to reignite growth: Findings from the Global competitiveness index / Schwab K., Sala-i-Martin X. eds. – Geneva: WEF, 2016. – P. 3–33. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf